

Сергей Серги

Расщербанный



9  
СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

9542

18+

# Сергей Серп Растерзанный

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=66685308](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66685308)*

*SelfPub; 2021*

## **Аннотация**

Путь в тысячу миль начинается с первого шага, а путь к безумию начинается с первой мысли. Не все путешествия одинаково полезны, от некоторых поездок впечатления бывают слишком сильными.

Содержит нецензурную брань.

# Сергей Серп

## Растерзанный

Знаете эти огромные американские пикапы типа Ford F-150 или Chevrolet Avalanche с большими бензиновыми моторами. Лошадиных сил в них на целый табун, и тянут они просто великолепно. Да и вообще, такую махину видно издалека, особенно если хозяин бережно следит за хромом. Чего только стоят начищенные до блеска диски Dodge Ram или паровозная решетка Cadillac Escalade. Проезжая в таком слышно, как хрустят шейные позвонки встречных водителей, провожающих взглядом эту сверкающую комету. Щёлк-щёлк. Ещё парочка таких красавцев и у провожатого вылезет грыжа. И нет, как бы японцы не старались, прагматичный подход не применим при создании машины такого класса. Только представьте, чтобы японец, осушив банку рисовой бормотухи, смял ее и швырнул через борт огромной Toyota Tundra. А потом эта банка, одна-одинешенька моталась по кузову, пока наш самурай нарезает круги по бесконечным токийским развязкам или петляет по серпантинам в предгорьях белоголовой Фудзи. И пусть это даже не гигантская Tundra, а Mitsubishi L200 с парой пит-байков или квадроциклом, покупая пикап, помни, что в твоём кузове сотни миль может мотаться лишь одна паршивая банка.

В дни, когда на землю опускается туман, прекрасно пи-

сать, читать, слушать или рассказывать. Ездить – херово. Летать – очень херово и стремно. Звуки в такую погоду распространяются неестественно, и животные, обитающие возле трасс, не всегда успевают среагировать на вынырнувший из дымки автомобиль.

– Пффф, что за тварь.

Оттормаживаясь на обочине, водитель включил аварийку и задние противотуманные. Скрипнула дверь, из одинарной кабины Volkswagen Amarok показались темно-синие джинсы, местами засаленные до желтизны. Пока ботинки плавно скользили с подножки в придорожную пыль, их обогнал упавший с колен пепел. С прошлой остановки, когда под колёса угодила собака, прошло уже четыре часа, хотелось размяться, отлить и наконец покурить стоя. Отщелкнув замки, шофёр опустил задний борт, мгновенно сравнившийся с уровнем кузова накрытого брезентом. В образовавшийся проем нырнула рука, но без фонаря поиски мешка были тщетны, слишком много незнакомых вещей попадалось на пути растопыренных пальцев. Сигареты, кожаная оплётка рулевого колеса, карта и рукоятка воротка с удлиненной тринадцатой головкой – последнее время эти пальцы не сжимали ничего больше, ну, разве что, пистолет на заправке, да иногда член.

Луч света вырвал из темноты содержимое кузова и замер на противоположной стене. Пластиковый мешок – пристанище подбитой собаки дрожал. Не выключая фонарь, води-

тель засунул телефон в карман и стал расшнуровывать тент. Разбухший ремень не поддавался. Сдернув брезент, он метнул взгляд на чёрный пакет. Тишина. Показалось.

Шаркая по обочине, путешественник разворачивал и натягивал на ходу плотные перчатки из полиуретана с «облицовками» ладонями. Рассматривать мертвых тварей – сомнительное удовольствие. Сбирать их тела голыми руками – просто опасно. На придорожной полосе лежал волчонок: тупоногая голова с мелкими зубами и ушками торчком, мессиво, хвост. Удар пришёлся в бедро. Бум, и содержимое таза, как паста из тюбика, выдавливается в брюшную полость. Хрясь, и задняя ось скандирует: «Следующая остановка – Чёрный мешок. Конечная». Захлопнув борт, хозяин пикапа нервно усмехнулся. На глаза попало название модели, и где-то в голове щелкнуло: «Amarok в переводе с эскимосского означает – волк».

Полоска навигатора светилась синим: маршрут проложен без интернета. Быстро темнело, но до цели оставалось недалеко. Когда голос из динамика предупредил: «Впереди камера», проезжающий сбавил скорость и затаил дыхание. В плотной завесе угадывался силуэт патрульной машины, рядом – забрызганный грязью сотрудник полиции. Жезл в его руке смотрелся неестественно, только на скорости эту пластиковую бутафорию можно принять за настоящего мента. Ещё с бодуна. Ещё – под кайфом.

– Мальчик мой, – со вздохом пробормотал водитель, оста-

вив машину и пробираясь к раскрашенному куску пластмассы, – за что тебе это все.

Подход был заминирован человеческими экскрементами – дерьмом, оставленным живыми людьми вокруг безобидной фигуры.

– Что же они творили...

Опустившись на колени, шофёр наклонил голову и заглянул в дыру, посверленную на уровне гениталий. Такие отверстия делают в дверях под врезные замки, реже – в перегородках клубных туалетов. Берёте шуруповёрт с коронкой по дереву, вжик-вжик, и готово.

Трещотка воротка с удлинённой тринадцатой головкой то появлялась, то исчезала в траве. Все бутафорские гаишники крепились одинаково. Расправившись с четырьмя болтами, похититель аккуратно приподнял и бережно отнёс пластикового стража в кузов, где его уже ждали такие же обоссанные и исписанные коллеги, друзья по несчастью, осквернённые копии, немые свидетели унижений.

Из-за поворота вынырнул тягач. Без фуры он казался неполноценным, как уголок из тетриса, откинутый к краю до лучших времён. Не заглушая мотор, дальнобойщик соскочил и с усмешкой крикнул:

– Очередь?

Вместо ответа владелец пикапа с недоумением повернулся к источнику шума.

– Я думал, ты возле мента посрать тормознул, если нет –

уступи другому.

Водитель тягача внезапно заметил отсутствие макета.

– А где лейтенант Дырявый?

Дальнобойщик сверкнул глазами и пониже опустил бейсболку на лоб. Слишком много реплик было брошено в пустоту, в то время как лицо собеседника оставалось непроницаемым. Встреча взглядов породила искру. Водитель тягача вспыхнул.

– Ты вообще кто, а? Я не врубаюсь. Может, глухой? Или глухая? Ты баба? Или мужик? Слышь, у тебя есть член?

– Я-я-я фотограф, – водитель пикапа примирительно замахал руками и затряс головой, – нет, не знаю, не глухой, – пересчитав в уме вопросы дальнобойщика, он выдохнул и продолжил, – я ищу фигуру постового, готовлю коллаж для газеты.

Водитель тягача сдвинул кепку, переводя ее из агрессивного режима в подозрительный.

– Кол что?

– Коллаж. Смешная такая картинка из нескольких фотографий.

– Над ментами любишь поржать?

– Обожаю, как говорится: хлебом не корми.

Фотограф достал пачку сигарет, предложил собеседнику, после чего взял сам. Выпустив изо рта волну дармового дыма, дальнобойщик засунул руку в карман и вынул мобильник.

– Глянь, таких приколов ты точно не видел.

Открыв фотографии, он показал снимок, на котором обнаженный мужчина совокупляется с пластиковым гаишником.

– Хо-хо, – водитель пикапа закашлялся, скрывая нежелание смеяться, – и не хо-холодно.

– Какой. Ты посмотри: все цветет, это ж месяц назад еще, на Байкале.

– А сюда, зачем пожаловал?

– За тем же самым, – раскатав тлеющий бычок между пальцами, дальнобойщик откинул его в сторону, – поспорил я с мужиками, что по всей стране прокачусь и этих куколок оприходую. В этом районе, – подняв вверх указательный палец, шофер начертил в воздухе круг, – как раз последний экземпляр должен стоять.

– Вот и мне редактор сказал: «Поезжай на двадцать шестой километр», а тут – никого.

Фотограф развел руками.

– Знаю я поблизости еще пару мест, надо сгонять, проверить.

– А мне с тобой можно? Просто сфоткаю и уеду.

Водитель тягача поджал губу и задумался.

– Почему нет. Саша.

– Женя.

Обменявшись рукопожатиями, новые знакомые условились по очереди воспользоваться следующим плакатом. Сна-



чала Женя сделает пару снимков для работы, а потом и Саня подключится.

– Далеко ехать?

– Вбей в навигаторе «заправка Неон».

– Есть, – найдя нужную точку, водитель пикапа проложил маршрут, – написано, что заправка закрыта.

– Конечно, она еще в июле сгорела. Пост должен быть рядом с ней.

– Двадцать четыре километра, поехали?

– Погнали.

В бардачке у Жени лежал начатый пузырек с микстурой от кашля, на вкус напоминавшей немецкий пряный ликер только без алкоголя. Таким сиропом приятно прополоскать горло, особенно, когда ты уже несколько месяцев в завязке, а тебя трясет, знобит, колбасит и выворачивает от нового знакомого, самого мерзкого типа в твоей жизни. Убрав микстуру, путешественник раскрыл карту и сделал пометки. Одну – крестик, в текущей точке, вторую – вопросительный знак, в месте, где навигатор обозначил заправку Неон.

Дальнобойщик сказал, что знает в районе еще пару мест, что ж, это отлично. У Жени не было точного плана расстановки фигур, только приблизительный, собранный по водительским форумам и отметкам в навигаторе. За окном палой листвой шелестел сентябрь. С середины лета Амагок намотал без малого четырнадцать тысяч километров. Из полсотни отпечатанных ростовых фигур тридцать шесть лежали

в Женином гараже, двенадцать – в кузове, одна, возможно, ждала на заправке Неон, где находилась последняя – неизвестно, но точно в этом районе, последнем на краю области.

Противотуманные фары седельного тягача распугивали стелящуюся дымку. Кабину потряхивало на ухабах, подвеске давно уже требовался ремонт. Водитель спешил, то и дело поглядывая в боковые зеркала. Пикап не отставал, держался сзади, точно прицеп. Дальнобойщик уже успел пожалеть, что не отказал случайному знакомцу. Станный тип, свалившийся, как снег на голову. Хотя, кто еще кому свалился. Это же он сам, его догнал и почему-то согласился взять за компанию. Выругавшись, Саша несколько раз ударил ладонями по рулю и заглянул в пачку сигарет. Пусто. Скомканная коробочка полетела к пассажирской двери, туда, где горой высился мусор: пустые бутылки, обертки, пакеты и грязные салфетки.

– А и хорошо. Хорошо! – прокричал дальнобойщик, – оприходуя куколку, а там авось и еще кому перепадет. Хорошо! Давненько я никого живьем не жарил. Ха-ха. Женя. Женечка. Ну, держись, скоро узнаешь, с кем лучше не связываться.

Скинув скорость на повороте, водитель засунул руку под сидение, нащупал и вытащил металлическую коробочку. Положив сундучок на колени, он наскоро отстегнул блестящие накладные замки и откинул крышку. Внутри лежал завернутый в целлофан сверток. Переключив передачу, шофер про-

должил расковыривать содержимое. Под целлофаном просвечивала ткань, а в ней ждал своего часа пистолет.

К тридцати пяти годам Саша успел дважды развестись и отсидеть за хранение. Детей в браках он так и не нажил, зато в поездках преуспел. В разных концах страны его гены наследовали трое, и все – девочки. Их фотографий не было ни в Сашином кошельке, ни в кабине, ни за отворотом обложки паспорта, даже в телефоне – пусто. Саша, как герой скабрезного анекдота, любил не детей, а сам процесс, коллеги же считали его не в меру озабоченным. Сашины истории о бесконечных дорожных похождениях успели всех утомить. Слушателей не восхищали его мужская энергетика и мощь, куда больше их настораживал список венерических болезней, которые Саша мог привезти и передать через рукопожатие или слюну после глотка из общей бутылки. На Новый год коллеги подсадили ему в кабину резиновую женщину, чтобы в дороге не скучал и не подцепил чего лишнего. Саша посмеялся, за подарок поблагодарил, шутку понял, но в душе обиделся, взъелся. Сперва хотел куклу в лоскуты искромсать, а в итоге взял и попробовал. И так попробовал и эдак. Поостыл. Кромсание отложил и подключил фантазию. Накупил кукле всякого шмотья, заперся с ней в придорожном отеле и развлекался двое суток. Тут уж не только так и эдак, а чего только не вытворял. Мазал сливками, растирал маслом, клубнику с мороженым засовывал во всякие места. Переодевал ее по пять раз на день, мыл, целовал, даже новым париком для

нее разжился. Короче говоря: вошел во вкус, дорвался.

Любовные игры так увлекли Сашу, что в реальной жизни вне номеров и ночевок в кабине, он стал скучать по общению со своей куколкой. Дошло до того, что парень перестал ее сдувать, а так и возил в полный рост, когда на пассажирском сидении, а когда за спиной, в люльке, травил ей байки, попутно шаря рукой под короткой юбочкой. Так бы они и катались, не останови Сашу менты. Хохма о дальнобойщике с резиновой куклой разлетелась по всем постам, а потом и до коллег с автобазы. Саша был зол, Саша был в ярости. Огромных трудов стоило начальнику остановить его от расправы над шутниками-дальнобойщиками, в ход пошли запугивания и напоминания о первой ходке.

– Второй раз сядешь – все, пиши – пропало. Больше шансов не будет. Так что побесись, выпусти пар, но так, чтобы тихо, без разборок, понял меня? Чудно. Даю тебе на отдых пять дней, а тут покамест все поуляжется.

Из пяти дней четыре Саша провел в забытии, перебирая в памяти произошедшие события. «Ну и подумаешь, кому какое дело с кем я езжу. Ублюдки», – шептал водитель, устремив немигающий взгляд в потолок. За окном уже намечался рассвет, но сон не спешил смыкать Сашины веки. «Опять зона. Ну почему мне все ей грозят. Зона-зона. Мать страшала, теперь этот старый. Менты. Опять менты. Во всем, во всем они виноваты».

Пять дней спустя Саша вышел на работу.

– Я для тебя тут заказик приберег. Три недели туда, три – обратно, плюсом разгрузка-погрузка, короче закладываю тебе на поездку два месяца. Тихий океан видел?

Саша, не видевший от рождения моря, отрицательно покачал головой.

– Ну, вот и посмотришь. Печати в путевку поставь и гони на погрузку. Шестой склад, накладные кладовщик выдаст.

По дороге через всю страну людям приходят разные идеи и чаще всего весьма странные. Тормознув возле бутафорского автомобиля ДПС, Саша сначала думал просто отлить, но тут заметил, что фигура полицейского имеет серьезный дефект: дыру на уровне гениталий.

– Хо-хо, вот это у местных приколы.

Обойдя куклу со спины, Саша просунул член в отверстие, перехватил его с другой стороны и помочился, после чего вернулся в кабину. Не проехав и пятидесяти метров, он съехал на обочину и вернулся к бутафорскому гаишнику. Просунуть в дыру, перехватить с другой стороны. На этот раз Саша придавался самоудовлетворению. Постыдное удовольствие, от которого аж звезды в глазах загорелись, причем не с нарисованных погон, а настоящие, сверкающие, другие. Как в первый раз в отеле с куколкой. Так что про спор с мужиками – это все отговорки, а вот шиза у Саши была вполне себе натуральная, всамделишная. Никто кроме Жени не знал о его гилти плеже (тайном пристрастии), но и для фотографа была заготовлена пара козырей: железный ствол под сидени-

ем и горбатый аналог, припрятанный в потертых штанах.

Впереди показалась крыша сгоревшей бензоколонки. Расплавившийся логотип стек вниз и единственное упоминание о названии сохранила одна уцелевшая колонка, торчащая чуть в стороне и предназначенная исключительно для грузовиков. Опустив стекло, так чтобы появилась небольшая щелка, водитель пикапа закурил, бутафорский пост, если верить дальнобойщику, должен быть где-то рядом.

Воспоминания о погибшем ребенке мутили разум не хуже тумана. Да и что есть воспоминание, как не туман, зыбкая дымка, позволяющая разглядеть не дальше вытянутой руки, все остальное – грубая склейка разорванной в клочья реальности.

– Не дай мне бог сойти с ума. – Женины познания вмещали лишь первую строку стихотворения. – Не дай мне бог сойти с ума...

Рука сама потянулась к бардачку и достала новый пузырек микстуры. Нежное потрескивание запаянной крышки предвещало скорое наслаждение. Отхлебнув за один прием несколько рекомендованных доз, бывший алкоголик прополоскал горло и полость рта. Изумрудный сироп обволакивал язык, приятно щекотал десна. Обычная еда давно уже напоминала больничную кашу, и потому Жене хотелось отыскать нечто будоражащее, долгоиграющее. С вегетарианством пора было завязывать, но тогда бы пришлось платить за убийство, вешать на кого-то грех, а это противно. Оставалось од-

но – убивать самостоятельно, и, если собака, попавшая под колеса, выглядела не очень аппетитно, то почему бы не отведать сердце маленького волчонка. Представив себе, как хрустит на зубах многослойная сердечная мышца, у Жени потекли слюнки. Еда, которую ты добываешь самостоятельно, кажется намного вкусней. Пот от тяжелой работы, адреналин воровства, сладковатый привкус находки, охотничья злость – лучшие приправы для пищи. Пообещав себе зажарить волчонка, как только найдется последняя пластиковая фигура, водитель глотнул сиропа и заглушил мотор.

– Сигарет нет? – подойдя к пикапу, спросил дальнобойщик.

– Угощайся.

Запустив в раскрытую пачку грязные пальцы, Саша выудил пару сигарет. Для любителя позабавиться с куклами и не только, откровенного извращенца, комплексы были чужды, а наглость – второе счастье.

– Ну что? Иди, фоткай, или что там тебе надо.

Окинув взглядом пустырь, владелец пикапа зашагал в сторону обгоревшего остова кассы.

– Ты куда? Кукла там, за кустами.

Зеленая жилетка бутафорского полицейского сливалась с листьями колючего барбариса. Машины ДПС не было, обломки взорвавшейся бензоколонки оторвали значительный кусок пластика, и ее демонтировали. Постового, спрятавшегося за кустом, оставили, поленились убрать. Толку от него

было чуть, но и списывать безмолвного стража никто не спешил, к чему эта бумажная морока. В отличие от собратьев, этот экземпляр сохранился нетронутым. Близость некогда работавшей бензоколонки отпугивала вандалов, да и наличие на ней теплого туалета, играло не последнюю роль.

– Ну, здравствуй, сынок, – голос водителя дрогнул, в уголке глаза заблестела слеза. Пластиковая фигура напоминала постамент, надгробный памятник неизвестному солдату без даты, без имени. Для всех, кроме Жени, это была лишь безликая кукла, за которой скрывалась несчастная, трагическая судьба.

Миша, так его звали, не случайно стал полицейским, не по благу и не по глупости посвятил свою недолгую жизнь работе по охране правопорядка. Во многом это была отцовская «заслуга», сокрушительные последствия которой вот уже несколько месяцев не давали впечатлительному Жене спокойно существовать.

– Было б за что...

Продолжение фразы Миша знал наизусть. Что уж говорить – жизнь мальчика была настоящим адом. Спокойствие наступало лишь изредка, когда уставшие соседи вызывали милицию. Дяди и тети в красивой форме разговаривали с Мишей ласково, не грубили, спрашивали, обижают ли его дома, бьют ли, но мальчик молчал, отнекивался. Хотя ссадины и синяки красноречиво рассказывали о его бедах, пришить их к делу было ох как непросто. Запуганный ребенок



на прямой вопрос: «Откуда у тебя царапина?» или «Почему вся спина в синяках?» отвечал невнятно, твердил, что сам виноват. Органы опеки лишь разводили руками. Как-то раз после особенно сильной взбучки, когда вытирая слезы, Миша вновь твердил, что виноват сам, милиционер схватил папашу за полу халата так, что аж нитки затрещали, встряхнул и сказал: «Еще раз ребенок *упадет*, мало тебе не покажется». И на целых две недели в доме воцарился, если не мир, то хотя бы тишина. Синяки поменяли цвет, ссадины покрылись корочкой, а в юной головке сложилась красивая мечта, сильный и яркий образ спасителя.

Смахнув слезу, путешественник опустил на колено и вынул из кармана телефон. Все действия совершались Женей механически, по наитию, как делал бы реальный репортер, а не похититель пластиковых стражей порядка. В голове вращался план, как заманить и переиграть не в меру любвеобильного дальнобойщика. Для этих целей из машины был захвачен небольшой туристический топорик, припрятанный в чехле на поясе.

За спиной слышались грязные ругательства. Стоящий позади Саша распинаял севший аккумулятор шуруповерта.

– Шурик есть? – помахав инструментом, спросил дальнобойщик, – целочку порву и отдам.

Опустив руку с телефоном, водитель пикапа кивнул. Женино лицо было бледно, обескровлено, пластиковую копию погибшего ребенка собирались раздербанить и изнасило-

вать. Ноги заплетались, но продолжали идти, руки не слушались, и, тем не менее, через пару минут они же подносили насильнику готовый для работы инструмент.

– Хочешь, я сниму это?

Не поняв вопроса, Саша переспросил:

– Снимешь? Что снимешь?

– Твой триумф, – прочтя в глазах дальнобойщика все тоже недопонимание, собеседник пояснил, – ну, как ты его это, долбишь. На твой телефон.

Саша недобро хмыкнул, скривив уголок рта, после чего вынул из кармана мобильник.

– Ну, давай.

Обойдя просверленную фигуру, дальнобойщик расстегнул молнию и, отодвинув резинку трусов, извлек член на свежий воздух. Выглянув из-за пластикового укрытия, он крикнул:

– погоди, я скажу, когда начинать.

Глядя в экран телефона, Жене не верилось, что сейчас перед его глазами со скоростью двадцать четыре кадра в секунду воспроизводится реальный мир, созданный творцом за шесть миллиардов лет или дней. Мир, где спрятавшись за пластиковой ростовой куклой, грязный водитель седельного тягача рукой стимулирует свой полуобвисший половой орган, сжимая и разжимая его, словно грушу тонометра. Галактика Млечного пути, пояс Ориона, Бетельгейзе и Альдебаран – вселенная сжимается до размеров жопы клеща, тор-

чащего из тела ребенка. Твоего ребенка.

– Ща, ща все будет, – прохрипел Саша, – камера, мотор!  
Давай!

Просунул, перехватил, погнал. На внутренней стороне Жениного черепа мерцала неоновая надпись «Не входить», и голос Егора Летова твердил, что все идет по плану. В уголке экрана разделенные двоеточием моргали четыре нуля. Оператор создавал лишь видимость записи, стиснув зубы, наблюдая за манипуляциями ревущего в экстазе актера. Пора. Спрятав за пазуху телефон, водитель пикапа выхватил туристический топорик и, приблизившись к фигуре постового, широко замахнулся. Сверкающая сталь с хрустом врезалась в преграду. Удар, еще удар, и в пожелтевшую траву упала отрубленная голова пластикового стража.

– Где еще один?! Где последний!?

Застигнутый врасплох дальнобойщик, отшатнулся, не понимая, откуда у Жени топор и, что вообще происходит.

– Где последняя кукла?

Опавший член сам собой убрался в ширинку поджатый резинкой трусов, как ящик с доводчиком. Саша нахмурился, шумно прочистил горло и сплюнул.

– Ты не получишь телефон, пока я не увижу последнюю фигуру. Ты сказал, что знаешь, где еще две. Где вторая?

– Топор опусти, – сипло процедил водитель тягача, после чего вновь сплюнул.

– Где последний? – кивнув на обезглавленного стража,

спросил водитель пикапа, – мне он нужен. Скажи, мы съездем, и там я отдам тебе телефон.

– А то что?

Сашины глаза сощурились, став острыми и опасными, как лезвие. Отступив на шаг, он завел за спину правую руку.

– А то что?! – повторил вопрос дальнобойщик, выхватив пистолет, – топор на землю. Быстро!

Женино сознание блуждало в тумане. Непослушные ноги тряслись. Присев на корточки, водитель пикапа медленно положил топор. Пальцы еще не успели покинуть рукоятку, а Саша уже придавил их подошвой ботинка.

– А-а-а!

– Больно, сука? – размахнувшись, дальнобойщик пнул Женю в грудь.

Водитель пикапа беспомощно лежал на спине. Прижав коленом шею противника, Саша поднес к дрожащим губам холодное дуло.

– Что выберешь: мой ствол или этот? – надавив, дальнобойщик протолкнул пистолет Жене в рот. – Подумай, даю тебе шесть секунд. Раз.

Мутные, как лесное болото, глаза сумасшедшего извращенца засасывали Женю целиком. Они напоминали выгребную яму сельского туалета, бездонную пропасть нечистот. Глаза насильника вопреки законам логики пахли, источая невыносимую аммиачную резь. Ядовитые, тошнотворные, как фосфор желтые и такие же токсичные.

– Два.

Пистолет вошел глубже. Мушка оцарапала Женино нёбо.

– Три!

В глубине Жени, между окаменевшим сердцем и скукожившимся желудком, родился крик, рвущийся на свободу, как неудержимая блевотина. Водитель пикапа кашлянул, рефлекторно дернулся и накрыл ладонями руку, сжимавшую пистолет. Пальцы Жени скользнули в спусковую скобу, глаза зажмурились, боясь и в то же время, с нетерпением ожидая выстрела, уповая на долгожданную, спасительную вспышку, на всепоглощающую и всепрощающую боль. Но ее не последовало. Да, боль была, только другая, от выдернутого изо рта пистолета, мушкой отколовшего зуб.

Подскочив с Жени, насильник отбросил оружие и растерянно огляделся. Отсутствие выстрела поразило его не меньше, чем скорчившегося противника, рядом с которым лежала отрубленная пластиковая голова.

– По-го-ди, – переводя взгляд то на Женю, то на усеченную кукольную голову, шептал дальнобойщик, – по-го-ди.

Опустившись на колени, Саша схватил отрубленную голову и приложил к Жениному лицу.

– А этот мент – не твой родственник?

– Сын, – с трудом выдавил путешественник, – это мой сын.

От избытка впечатлений голова у Саши пошла кругом. К этому часу он не спал уже больше суток, столько же не ел

и едва ли соображал без сигарет. Положив пластиковую голову постового на грудь его же родителя, дальнобойщик накрыл ее безвольными Жениными руками. Сжав кусок пластмассы, водитель пикапа беззвучно вздрагивал, глотая кровавые слюни.

– Убей. Убей меня.

Шепот тихий, как первый ночной заморозок, заполз под ветви барбариса.

– Слышишь? Убей меня.

Не отвечая, Саша покачал головой.

– Ты же хотел, ты же мог, – голос водителя пикапа звучал, словно мольба умирающего, но дальнобойщик продолжал отнекиваться.

– Нет.

Перевалившись, Саша засунул руки в карманы Жениной куртки и вытащил пачку сигарет. Достав пару, он подкурил, после чего одну переложил в рот Жени, ближе к тому уголку, где не было видно крови. Водитель пикапа глубоко затянулся, выпустив дым носом.

– Зачем ты делаешь это? Зачем тебе эти куклы?

– Это не куклы, это – все, что у меня осталось. Мой сын, Мишка, мертв, – с каждым словом путешественник говорил все тише, так что Саше пришлось нагнуться поближе.

Обняв покрепче пластиковую голову, водитель пикапа перевернулся на бок и поджал колени к животу, приняв позу эмбриона. Сигаретный дым обжигал глаза, но Жене да-

же нравилось. Боль наполняла опустошенное тело, придавая ему хоть какой-то вес. Ничего не хотелось, даже сиропа от кашля, даже настоящего алкоголя. Когда лежишь на земле или сидишь на полу, переступив барьер, растворяясь в грязи физической, тело теряет форму, перестает быть надежнымместилищем и слова сами рвутся наружу, выплескиваются. За неполный час дальнобойщик узнал всю Женину историю: про беспробудный алкоголизм, срывы и сироп от кашля, про сына, ставшего полицейским и убитого во время дежурства. По ходу рассказа водитель тягача пару раз менял сигареты у Жени во рту, словно переключал трубочки у капельницы.

– Скажи, а откуда у тебя этот пистолет?

– Нашел, – хмыкнул Саша, – возле сортира на заправке.

– Неисповедимы пути его, – приподнявшись на локте, сказал водитель пикапа.

– Кого?

– Я вообще не очень-то верую, но, когда такое случается, – не выпуская из пальцев сигарету, путешественник перекрестился. – Два дня назад я уже пытался сделать это с собой из этого же оружия. Я приехал на заправку ночью, а топлива нет, бензовоз, говорят, будет только утром. До следующей колонки я мог не дотянуть, рисковать не хотелось, так что решил остаться, переждать в машине. И эти несколько часов наедине меня доконали. Я пошел в туалет, сел, засунул пистолет в рот и сидел, никак не мог решиться, а потом, стал считать. Пять-четыре-три, дошел до нуля и понял, что

не могу нажать, сил нет. И я стал пропихивать палец глубже между курком и скобой, чтобы последняя фаланга, самая толстая, оттянула курок достаточно далеко. Я просунул уже практически до костяшки, и тут кто-то постучал. Я забылся, дернулся, но был только щелчок, выстрела не было.

Саша смотрел на Женю, вспоминая, как самому было плохо, как несколько недель назад, он лежал и думал, что никогда уже не встанет на ноги. Движения не имели смысла, даже собственное дыхание казалось мерзкой, предательской зацепкой за ненавистное существование.

– Так он сломанный или не заряжен?

– Не знаю. Я нашел его в квартире сына... – у Жени дрогнули губы, – после смерти. Ну и взял, на всякий случай. А сломанный он или какой, я не знаю, не умею стрелять.

Дальнобойщик хмыкнул.

– Я тоже. И вообще, я много чего никогда не делал. Например: ни с кем не спорил, что прокачусь и перетрахую всех куколок, не стрелял, как и ты, не ел кукурузу.

– А кукурузу, почему не ел?

– Не нравится мне, как она выглядит, у нее эта волосня... фуу.

– Ты сможешь мне? Поможешь найти последнюю фигуру?

– Вставай и погнажи, тут недалеко.

Поднявшись с земли, Саша протянул руку и помог Жене подняться. Открутив куски разбитой куклы, водитель пи-



капа наскоро засунул все под брезент. Дальнобойщик завел мотор и вылез из кабины.

– Телефон верни.

– Да, да, – порывшись в карманах, Женя выловил чужой мобильник.

– Вот здесь, за мостом, – раскрыв навигатор, Саша показал пункт назначения.

Тягач ревел, подпрыгивая на неровностях и заплатках. Вцепившись левой рукой в руль, правой – водитель шарил за спиной, в люльке, пока пальцы не нащупали плотную прорезиненную ткань. Вытянув из-под покрывала куколку, дальнобойщик усадил ее на пассажирское сидение и ласково погладил по плечу.

– Выспалась? Сейчас я помогу одному дяде, а потом заедем в кафе. Сырники будешь?

Ответа не последовало, но Саша его и не ждал. Ему вполне хватало собственного голоса и тепла, которым он наполнил молчаливую спутницу.

– У того дяди сынок потерялся, представляешь, как бы я переживал, если ты пропала?

Дальнобойщик ласково провел пальцем по резиновой щеке возле вечно открытого рта.

– Почти приехали, помнишь это место? Летом здесь куда лучше, я рассказывал, как прыгал с моста?

Саша врал, Саша не прыгал с моста ни разу. Не ел кукурузу, не стрелял, не прыгал с моста, он много чего не делал,

но, в отличие от Жени, кукла не знала о его страхах, для куклы он был единственным мужчиной. Его руки карали и миловали, дарили тепло и приносили еду. Его губы вдыхали жизнь, наполняли воздухом. Саша был образцом, богом, но, как и всевышний, существовал до тех пор, пока в нем нуждались. Он надувал куклу, чтобы снова спустать, целовал, чтобы вновь разозлившись ударить. Бесконечный цикл, оборот колеса Сансары, очередной виток адской спирали Данте. Семьсот лет назад поэт и не предполагал, что человеческая жизнь будет зависеть от антропоморфного куска резины, капли нефти нагретой и раздутой в подобие женщины, в противном случае, наверняка бы зарезервировал в преисподней место для еще одного, особого круга.

– Я скоро, – спрыгнув из кабины, дальнобойщик хлопнул дверцей и поспешил к Жене, остановившемуся впереди на обочине.

Бутафорская патрульная машина была здесь же, запыленная и частично выцветшая. Возле капота стояла уже знакомая пластиковая фигура последняя из всего тиража. Нагнувшись к постаменту, Женя ловко открутил болты и, не говоря ни слова, сдернул куклу с направляющих. Цель достигнута. Несло дерьмом, но радостью что-то не пахло. Истина такова: в долгих поездках рождаются странные идеи. Насиловать, спасать, наделять неодушевленные вещи сверхспособностями, убеждать себя в несуществующем родстве, трепаться и каяться, а что еще делать в дороге? И пусть бута-

форский полицейский был похож на Женю, еще больше он походил на мать и своего настоящего папашу, с которым водитель пикапа проходил курс посталкогольной реабилитации. Бездетный Женя, Женя-девственник, сорокачетырехлетний одуванчик, впечатлительный и наивный, как туземец.

На собраниях алкоголиков Мишин папа подробно рассказывал о семье и страданиях, что принес близким, а однажды похвалился, что сын на него совсем не похож, трезвенник. Посмотрев фото, кое-кто из присутствующих в шутку заметили, что Миша внешне сильно на Женю смахивает. Ха-ха. Казалось бы, пошутили и забыли, но глупая хохма вышла из-под контроля.

Зерно намека, упавшее в рыхлую, размытую годами запоя, голову дало пугающие всходы. Сорокачетырехлетний девственник убедил себя, что в бурной молодости вполне мог иметь роман с продолжением, как «все нормальные мужики». Он стал следить за Мишей, искать встречи, но парень, намучившийся от одного алкоголика, на дух не переносил и второго. А потом Мишу убили.

– Все? Это последний?

Обхватив фигуру, Женя кивнул.

– Дай мне, я хочу его кое с кем познакомиться.

Предложение звучало, как грязный намек, но глаза дальнобойщика выражали мягкость и участие.

– Пошли, – махнув рукой в сторону тягача, позвал Саша, – она в кабине.

– Она? – переспросил Женя.

– Да, моя... – дальнобойщик сглотнул, – моя дочь. Дочка.

У нас сложные отношения, но я хочу, чтобы она была счастлива. Я сделал ей столько зла и никак не старался понять. Обижался. Обзывался. Бил. Но я люблю ее.

Остановившись возле машины, Саша открыл кабину.

– Знакомься, милая, это – Миша, – затаскивая в салон пластиковую фигуру полицейского, со смехом сказал водитель, – поболтайте, а мы пока сообразим, чем бы перекусить.

И никто не понимал шутки. И смешно не было. И для двоих безумцев зарождалась реальная жизнь. И выходила она из океана лжи и ступала на берег истины. И путь ее лежал сквозь тьму, и освещало его пылающее сердце маленького непослушного волка. И был вечер, день первый.

– Возьми, но обещай больше не пробовать, – достав пистолет, Саша протянул его Жене.

Направив ствол в сторону леса, водитель пикапа зажмурился и нажал на курок. На кончике дула вспыхнуло маленькое пламя. Саша засмеялся и повалился на колени.

– Ну почему, почему именно сейчас у нас закончились сигареты?

– Поедем в магазин?

– Да какой магазин, ночь.

– Улица, фонарь, аптека, – уставившись на пистолет-зажигалку, хмыкнул Женя, из всех стихов он помнил только первые строчки.